

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-154-166

ИДЕОЛОГИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕС И ЕАЭС

В.С. Изотов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991

В статье предпринимается попытка выделить понятие «интеграционного сознания» в современных процессах наднациональной интеграции. Актуальность этого понятия как составной части более широкой категории «внешнеполитического сознания, обусловлена растущей ролью идеологии в интеграционных процессах. Проводится сравнительный анализ идеологических компонентов двух интеграционных систем — ЕС и ЕАЭС. Рассматривается, в частности, схожесть аксиологических концептов «европеизации» и «евразийства». Отмечается, что и в Европе, и в России влияние интеграции на социокультурные и внешнеполитические установки граждан постоянно растет. При этом в условиях беспрецедентного обострения международных отношений, фактически «холодной войны 2.0», восприятие интеграционных процессов на уровне идеологических дискурсов становится все более массовым и популистским. Автор приходит к выводу, что интеграционное сознание оказывает значимое влияние на динамику наднациональной кооперации в региональных и глобальных масштабах. В частности, для России в рамках ЕАЭС оно способно сыграть важную роль при необходимой географической диверсификации интеграционной стратегии.

Ключевые слова: аксиология, ЕАЭС, ЕС, Евразия, евразийство, европеизация, внешнеполитическое сознание, идеология, интеграция, интеграционные системы, интеграционное сознание, наднациональность, популизм

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Интеграционные процессы, развернувшиеся в глобальном политико-экономическом пространстве, имеют долгосрочные последствия для международных отношений и планетарной политической динамики. Становится все более очевидным их влияние на ключевые понятия политической теории, ее категории и терминологию.

В современных интеграционных системах (1) процессы взаимодействия не ограничиваются торгово-экономическими отношениями на основе развития глубоких взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами (классические характеристики международной экономической интеграции). В них

можно аналитически выделить, как минимум, три основные составляющие — экономику, политику и идеологию. Все больший интерес вызывает и социальное восприятие интеграционных процессов, что связывается с политической устойчивостью режимов и транзитными перспективами недемократических систем. На этих направлениях в последние десятилетия развернулись плодотворные академические дискуссии, в основном институционально-описательного и сравнительного характера [20; 23; 26—28; 30—32]. Во многих работах обращается внимание на то, что интеграционные процессы содержат как рациональные (материальные), так и идейные компоненты. Соответственно, актуальные интеграционные стратегии определяются не только политической и экономической мотивацией, но и задаются набором идей, норм и ценностей. Это не удивительно, если учесть триумфальное возвращение идеологии в мировую политику и международные отношения. «Конец идеологии», провозглашенный западными обществоведами, оказался живучей иллюзией, поддерживающейся вплоть до начала нашего столетия [2]. Параллельно отметим интересную тенденцию: «идеологическая» трактовка современной интеграции сближается с теориями конструктивизма в международных отношениях, придающими большое значение нематериальным категориям.

В этих контекстах представляется аналитически перспективным выделить понятие «интеграционного сознания» и предположить его растущее влияние на интеграционные процессы в региональных и глобальных масштабах. Динамика развития современных интеграционных систем требует теоретической и аналитической формализации этого понятия. Прежде всего отметим, что интеграционное сознание правомерно рассматривать как составляющую более широкого понятия — внешнеполитического сознания. Данная категория широко разработана в отечественной политической науке, прежде всего Н.А. Косолаповым, С.В. Чугровым и другими исследователями [14; 18; 24; 25]. Концептуализация понятия интеграционного сознания связана с аксиологическими и нормативно-правовыми аспектами, предполагающими достижение стратегических целей любых интеграционных систем — самоопределение в пространстве мировой политики и успешную конкуренцию с другими коллективными акторами. При этом несложно идентифицировать носителей интеграционного сознания: ими являются три политических субъекта — граждане, институты и элиты.

Исторические примеры идеологизации наднациональных политических и экономических пространств можно найти в теориях классической геополитики. Немецкий ученый Карл Хаусхофер (1869—1946) разработал теорию геополитической структуры мира на основе взаимодействия «больших пространств» (панрегионов). Он определял их как глобальные блоки, объединенные социально-политической панидеей. В его работе «Геополитика сверхидей» (1931) модель мира включает несколько панрегионов с центрально-периферическим строением.

«Объединение идей» важно для образа будущего и горизонтов развития. Как подчеркивает О.В. Буторина, субъекты любой интеграции должны, как минимум, иметь общее представление о настоящей и будущей глобальной идентичности [4].

Конкурентоспособные интеграционные системы должны быть успешны не только экономически и политически, но и являться носителями «смысловых» (идеологических) характеристик, оказывающих влияние на внешнеполитическое и, в частности, интеграционное сознание населения. Образ привлекательного будущего, общего для всех агентов системной интеграции, невозможен без идеологической составляющей. Только в этом случае закономерно возникает известный эффект *spill-over* (перелива), при котором интеграция приобретает системные качества и распространяется из области экономики на политику, право, науку, образование, культуру. Отметим также, что конструирование образа успешной глобальной идентичности на основе интеграционной идеологии может использовать стратегии «мягкой» и «умной» силы, по сути являющимися идеологическими проекциями внешней политики государств.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ ЕС И ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ

Идеологическая основа, наряду с экономической и политической составляющей, является необходимым условием устойчивости интеграционных систем, их успешной конкуренции в глобальном пространстве. При этом аргументация должна задаваться не только элитарными группами в управляющих центрах, но и импульсами со стороны негосударственных агентов и обычных граждан. Целесообразно рассмотреть эти вопросы в ходе сравнительного анализа двух интеграционных систем — ЕС (Европейского Союза) и ЕАЭС (Евразийского экономического союза).

В теоретико-методологических подходах именно европейская модель рассматривается в качестве эталона, поскольку ее опыт позволил достичь наибольшей глубины интеграции. С точки зрения глобально-политического прогнозирования правы исследователи, утверждающие, что «влияние регионализма на многополюсное структурообразование исходит, прежде всего, от европейской интеграции. Она несравненно ощутимее, чем все другие интеграционные образования, накладывает свой отпечаток на структурное оформление нового мироустройства» [5. С. 391]. История Европейского Союза позволяет исследователям описывать европейское интеграционное сознание через понятие «европеизации», которое определяется как «процесс возникновения, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм и стилей, разделяемых убеждений и норм, которые консолидируются на уровне политического процесса ЕС, а затем инкорпорируются в политику на наднациональном уровне» [3. С. 156]. С аксиологической точки зрения очевидно, что на первоначальных стадиях европейского объединения (1950—60 гг.) была поставлена задача формирования определенного типа «интеграционного сознания». Как известно, процессы захватили преимущественно социально-экономическую сферу и связывались с теориями всеобщего благосостояния (*the welfare state*), идеологически поддерживая будущий образ «процветающей Европы». В немалой степени этому способствовала и начавшаяся с конца 1960-х гг. либерализация рынка труда в Европейском

экономическом сообществе (ЕЭС). В частности, был введен «принцип резидентства» при перемещении рабочей силы. Политические архитекторы союза хорошо понимали, что интеграция может быть успешной только в случае естественного делегирования от политических элит к гражданам чувства общей идентичности. При этом каналы такой коммуникации проходили через социальные страты среднего класса — драйвер европейской экономики во второй половине XX века. В результате европейское интеграционное сознание выстраивалось на платформе наднациональных ценностей, закрепленных в учредительных документах и основополагающих договорах сначала ЕЭС, позже ЕС, а также ряде документов, прежде всего в Хартии Европейского Союза об основных правах и Европейской конвенции о правах человека. К определяющим ценностям относятся демократия, верховенство закона, приоритет правового государства и гражданского общества, неотъемлемые права и свободы человека.

Как замечают О.В. Барабанов и А.И. Клименко, идеология ЕС, выражающая «общеевропейские ценности», может рассматриваться как своего рода «выжимка» и, вместе с тем, — смысловая интеграционная основа европейских государств [12]. В последние годы, несмотря на институционально-политический кризис [10], ЕС продолжает укреплять интеграционное сознание, последовательно проводя активную коммуникативно-социальную политику. В 2013 году Брюссель укрепил систему наднационального информирования населения по вопросам прав человека, открыв 500 информационных центров «Europe Direct». В основе проекта лежит сетевая информационная структура, расширяющая возможности граждан в получении практической информации и рекомендаций по реализации и защите прав человека в ЕС. Принципиально важно, что кроме информационных функций, центры стимулируют социально-политические дебаты на местных уровнях [33]. По мере развития интеграционных процессов в них вовлекается все большее число людей. Сегодня миллионы европейцев прямо или косвенно вовлечены в работы тех или иных институтов интеграции. По данным на январь 2018 года, в Еврокомиссии в качестве постоянных работников наняты 32 546 человек (55% женщин и 45% мужчин). В проекты на временной основе привлекаются, по разным оценкам, не менее 50 тыс. человек. В конце 2017 г., в преддверии 70-летней годовщины принятия Всеобщей декларации прав человека, Верховный Представитель ЕС Федерика Могерини акцентировала в публичном пространстве следующие тезисы, иллюстрирующие роль европейского интеграционного сознания на современном этапе. «С самого начала, — заявила она, — ЕС сделал защиту прав человека не только основой своей внутренней и внешней политики, но и основой Союза. Права человека являются универсальными, неделимыми и взаимосвязанными, и нет никаких различий между гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами. ЕС продолжит подтверждать свою приверженность защите и поощрению принципа универсальности прав человека во всех случаях» [29].

В области внешнеполитического сознания становление концепции европеизации также прослеживается достаточно четко. После Второй мировой войны

страны Западной Европы начали коллективный пересмотр своего места и роли в системе международных отношений. Для большинства из них «внешнеполитическая европеизация» стала формой компенсации комплекса малых государств, еще сохранивших память о былом величии, но уже задумавшихся об угрозах маргинализации. Как отмечает А.А. Байков, страны Европы стремились подтянуться в коллективном формате до уровня ключевых субъектов международной политики (в годы биполярности — к США и СССР, сегодня — к США, России, Китаю) [1. С. 68].

Реинтеграция постсоветского пространства имеет ряд существенных отличий от европейской реальности послевоенного периода. После распада СССР и создания СНГ в силу особенностей недавней политической истории императивы интеграции при создании Таможенного союза, ЕврАзЭС и Евразийского союза были намеренно смещены в экономическую область. Надо учитывать, что европейский проект имел значительную временную фору, в том числе и при переходах между различными стадиями интеграции. Например, путь от таможенного союза к единому экономическому пространству осуществился за значительно более продолжительный период по сравнению с ЕАЭС.

Нормативные ценности и соответствующая политическая аксиология, формирующие интеграционное сознание жителей советских республик (исключая прибалтийские), начали формироваться еще до фактического распада СССР. Известный ученый и правозащитник А.Д. Сахаров в 1989 г. в проекте Конституции для обновленного Союза предложил переименовать государство в «Союз Советских Республик Европы и Азии» — добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии [22. С. 266—267]. После распада СССР поиски термина для описания постсоветского надгосударственного сотрудничества завершились консенсусом по отношению к географическому топониму «Евразия» (2). В первой половине 1990-х годов Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с инициативой Евразийского союза (3). В 2001 году возникло Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое в 2015 году было институционально и функционально инкорпорировано в ЕАЭС.

Функциональные стадии евразийской интеграции выделяются достаточно четко. За 13 лет существования (2001—2014) ЕврАзЭС выполнил свою основную задачу, сформировав правовую и институциональную основу для создания Таможенного союза и Единого экономического пространства, на базе которых, в свою очередь, возник ЕАЭС.

Синхронно проходила и научная концептуализация (нео)евразийства в отечественной политологии. Термин был принят и в западной науке. В США и Европе в первые постсоветские десятилетия большая часть специализировавшихся ранее на России центров сменила название, включив в него слово «Евразия», а термин «евразийский» появился в названии ведущих западных политологических журналов [6. С. 13—14]. В настоящее время в теории международных отношений и мировой политики термин «Евразия» применяется к части постсоветского

пространства, включающей в себя Россию, среднеазиатские и кавказские государства [19. С. 165].

Несмотря на подчеркнуто экономический характер реинтеграции постсоветские элиты, прежде всего стран ведущей интеграционной тройки (Россия, Беларусь, Казахстан), предприняли попытку создания аксиологических концептов «евразийства», аналогичных понятию «европеизации» в ЕС. Относительные экономические успехи евразийского интеграционного проекта во многом обеспечиваются общим культурно-историческим пространством в едином русскоязычном лингвистическом поле и мирным характером диалога между этносами и конфессиями. В «Декларации о евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2001 года отмечалось, что «дальнейшее развитие интеграции, основанной на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, отвечает национальным интересам этих государств, способствует решению стоящих перед ними общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики» [7].

Реинтеграция постсоветского пространства с самого начала получила сильную историческую и аксиологическую поддержку из прошлого. Обострившиеся после распада СССР геополитические противоречия и поиск новых форм интеграционной идентичности сделали востребованными весьма разнообразную группу теорий «евразийства», возникших в 1920-х годах в Европе в среде русской интеллектуальной эмиграции. Несмотря на определенную фрагментарность и противоречивость, евразийство было политически концептуализировано в формирующей постсоветской интеграционной идеологии, не в последнюю очередь потому, что оно страховало интеграционный проект от рисков национализма, обосновывая сосуществование разных народов (прежде всего славянского и тюркского), культур и религий в границах общего пространства. Актуально с точки зрения современности выглядит, например, такая цитата из коллективного манифеста евразийцев: «Евразия предстает перед нами как, возглавляемый Россией, особый социокультурный мир, внутреннее и крепко единый в бесконечном многообразии своих проявлений» [8. С. 35]

Идеи евразийцев совпали с мнением большинства россиян: согласно опросу ВЦИОМ в 2001 году 71% респондентов заявили, что они считают Россию единственной в своем роде евразийской и православной цивилизацией. Только 13% согласились с мнением о том, что Россия принадлежит западной цивилизации. Показательно отношение к созданию ЕАЭС. Согласно социологическим данным 2014 года 70% опрошенных россиян одобряли его создание. При этом 27% хотят видеть Союз как «восстановленный СССР в новой форме при политической независимости стран-участниц, а 41% — новым объединением, у которого будет своя форма и принципы работы» [21]. Однако имеет место и определенная инверсия, еще недостаточно изученная социологами. Те же социологические опросы показывают, что подобное «евразийство» в массовом сознании не обязательно

предполагает стремление к партнерству и открытости. Напротив, оно вполне может сочетаться с призывами ограничить приток мигрантов из Средней Азии и Закавказья [6. С. 17].

Современная эволюция интеграционного сознания связана с оформлением на рубеже XX и XXI века неоевразийского направления в российской общественно-политической мысли. Вопросы интеграции постсоветского пространства изначально находились в центре внимания неоевразийцев. Следуя в русле своих идейных предшественников в 1920—30 годах прошлого века, они выступали против универсальности концепций европоцентризма, находя вдохновение и в трудах западных мыслителей, прежде всего А. Тойнби, О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского. Анализируя генезис европейской интеграции, неоевразийцы подчеркивали, что ее опыт не должен рассматриваться как обязательная политико-экономическая матрица для всего мира. Активно используя геополитическую терминологию, они рассматривали Россию и иницилируемые ей стратегии объединения постсоветского пространства как выполнение исторической миссии по политической, экономической и социокультурной реинтеграции. Неоевразийство связано с такими исследователями, как А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, А.Г. Дугин, Н.А. Нарочницкая.

Система взглядов неоевразийцев на внешнюю политику и интеграцию постсоветского пространства продолжает развиваться, вызывая интерес не только у российских, но и у западных исследователей [34; 35]. Однако возрождение классического евразийства и его современные интерпретации захватывали лишь небольшую часть целевой аудитории, в основном интеллектуальные и академические круги постсоветских стран. У большинства населения стран, участвующих в процессах евразийской интеграции, наблюдался устойчивый дефицит информации о ходе самих процессов, их политэкономических смыслах и перспективах.

Отметим, что влияние интеграции на социокультурные и политические установки населения стран ЕАЭС является важным фактором успешности интеграционной системы. В последние годы в России ряд структур, созданных по инициативе власти, целенаправленно работают над идеологической составляющей евразийского проекта. В рамках официальных доктрин деятельность ведется по каналам публичной дипломатии, в том числе через такие организации, как фонд «Русский мир» и федеральное агентство Россотрудничество. Однако наднациональных информационных проектов, подобных «Еurore Direct», вовлекающих население в конструирование интеграционных систем «снизу», в ЕАЭС пока не создано.

Тем не менее, накопленный опыт интеграции позволяет зафиксировать определенные достижения. Наиболее успешной оказалась легитимация евразийского интеграционного проекта во внешнеполитическом сознании населения стран ЕАЭС. Со времени своего создания Союз воспринимается как альтернативный центр силы, претендующий на значимые позиции в глобальной архитектуре. Создание ЕАЭС позволило России определиться в отношении постсоветских ценностей, четче вычертить векторы международной ориентации. Евразийская интеграция стала значимым смыслом внешнеполитической стратегии страны,

закрепилась в официальных документах и риторике первых лиц государства. В Концепции внешней политики РФ подчеркивается значимость ЕАЭС и обращается внимание на необходимость активизации организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов в Евразии [13].

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ: КОНКУРЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ВАЖНОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ СТРАТЕГИЙ

Выделение понятия интеграционного сознания позволяет глубже анализировать современные интеграционные процессы, и особенно их идеологическую составляющую. Как бы ни складывалась текущая внешнеполитическая конъюнктура, очевидно, что в формирующемся панрегионе Большой Евразии отношения ЕС — ЕАЭС являются императивным фактором стратегической стабильности. Причем не только в континентальном, но и в мировом масштабе. Однако взаимодействие интеграционных систем подразумевает и острую конкуренцию между ними, при которой идет борьба за расширение сфер влияния и одновременно за сохранение внутренней стабильности. Таковы правила глобальной геостратегической игры XXI века. Сам факт становления интеграционных систем и острейшей конкуренции между ними является показателем сложности и противоречивости глобализации.

Несмотря на существенное хронологическое преимущество ЕС, сегодня мы становимся свидетелями продолжающегося кризиса институтов и идеологии европейской интеграции. Наиболее симптоматичен феноменальный восход популизма, объектом критики которого является евроинтеграция и ее наднациональные бюрократические регуляторы. Особенно непримиримы популисты по отношению к перспективам трансформации национальной природы гражданства, которая в свое время была светлой мечтой отцов-основателей ЕС. Однако практика показала, что успехи в экономической и политической интеграции, свободное перемещение и единый европейский паспорт не сформировали постнациональное гражданство как институт и политическую категорию. В ЕАЭС подобные цели не ставятся, и это своего рода результат обучения на европейских ошибках.

Приоритетная задача для ЕАЭС на современном этапе, в условиях обостряющихся санкционных оппозиций, — уйти от нарастающей тенденции к автаркии, исключения из важных сегментов глобальной экономики и мировых кооперационных звеньев. В связи с этим возрастает важность восточного вектора интеграции, перспективы которого связываются прежде всего с реализацией договоренностей между лидерами России и Китая о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Ставка делается и на потенциальную интеграцию на уровне зон свободной торговли (ЗСТ) с Индией, Вьетнамом (соглашение о ЗСТ подписано), Ираном (соглашение находится в финальной стадии ратификации), Камбоджой, Южной Кореей, рядом других государств. При этом подчеркнем ошибочность теоретического противопоставления западной и восточной стратегии ЕАЭС, что часто встречается в российской политической аналитике [11]. Нельзя забывать, что цель проекта ЭПШП связать китайский и европейский рынки

посредством ЕАЭС как трансконтинентального моста. Важно, что внешние азиатские партнеры евразийской интеграционной системы не заинтересованы в антизападных союзах и, как правило, верны принципу диверсификации внешне-экономических связей. Пример Вьетнама, одновременно и успешно сотрудничающего с ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и ТПП, более чем нагляден [16; 17]. В ходе этих процессов изучение интеграционного сознания приобретает особую актуальность. Наряду с экономикой и политикой идеология как «третий сегмент» интеграции способна разомкнуть порочный круг односторонней ориентации как на Запад, так и на Восток. Как представляется, от рациональной диверсификации российских интеграционных стратегий будет зависеть их успех в Большой Евразии XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В статье используется определение «интеграционные системы» вместо «объединений», «организаций», «альянсов», «союзов», «клубов», «группировок» и других дефиниций, встречающихся в отечественной и зарубежной научной литературе. Такой подход обоснован тем, что в современных условиях все больше региональных и макрорегиональных интеграционных объединений приобретают системные характеристики. Подробнее см.: [9; 15].
- (2) Впервые термин «Евразия» был введен в географическую науку немецким естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом на рубеже XVIII—XIX веков. Он применил его ко всему континенту Старого Света, охватывающему Европу и Азию. Греки и византийцы именовали его «Ойкуменой» (Οἰκουμένη), а в средневековой Европе это пространство называли «Обитаемым миром» (Orbis Terrarum).
- (3) Окончательное оформление в рамках политической риторики проект получил в ходе выступления Н. Назарбаева в МГУ имени М.В. Ломоносова в марте 1994 года. В июне того же года детально разработанный интеграционный проект «О формировании ЕАС» направлен главам постсоветских государств и опубликован в СМИ. Впервые в официальном документе новое интеграционное объединение названо «Евразийским союзом».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Байков А.А.* Сравнительная интеграция. М.: Аспект-пресс, 2012.
- [2] *Белл Д.* Возобновление истории в новом столетии // *Вопросы философии*. 2002. № 5. С. 13—25.
- [3] *Бордачев Т.В., Зиновьева Е.С., Лихачева А.Б.* Теория международных отношений в XXI веке. М.: Международные отношения, 2015.
- [4] *Буторина О.В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис*. 2005. № 3 (13).
- [5] *Быков О.Н.* Международные отношения: трансформация глобальной структуры. М.: Наука, 2003.
- [6] *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012.
- [7] Декларация о евразийской экономической интеграции. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1091>. Дата обращения: 1.04.2018.
- [8] *Евразийство (опыт систематического изложения)*. Париж, 1926.
- [9] *Изотов В.С.* Интеграционные системы и проблемы политической стабильности: поиск закономерностей и опыт прогнозирования // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2016. № 4. С. 9—29.

- [10] *Кавешников Н.Ю.* Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5.
- [11] *Караганов С.А.* Обещание Евразии // *Российская газета (федеральный выпуск)*. 26.10.2015.
- [12] *Клименко А.И., Барабанов О.Н.* Концепция общего идеологического пространства России и ЕС // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1.
- [13] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30.11.2016). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Дата обращения: 12.02.2018.
- [14] *Косолапов Н.А.* Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М., 2002.
- [15] *Костин А.И., Изотов В.С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 2. С. 7—32.
- [16] *Мазырин В.М.* Вьетнам: зоны свободной торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 3. С. 72—82.
- [17] Материалы Круглого стола в ИДВ РАН (Центр изучения Вьетнама и АСЕАН) «Создание Зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ». Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/events/8/1517-2015-06-11-08-40-0>. Дата обращения: 25.01.2018.
- [18] *Поливаева Н.П.* Об эволюции политического сознания в современном мире // *Власть*. 2008. № 6. С. 63—67.
- [19] *Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи*. М.: РОССПЭН, 2013.
- [20] *Россия в современных интеграционных процессах / Под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой*. М.: МГИМО-Университет, 2014.
- [21] *Россияне — о создании Евразийского экономического союза*. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114883>. Дата обращения: 24.03.2018.
- [22] *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М.: ИНТЕР-ВЕРСО, 1991.
- [23] *Стрежнева М.В.* Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // *Международные процессы*. 2012. № 2. С. 17—28.
- [24] *Чугров С.В.* Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 4. С. 46—65.
- [25] *Чугров С.В.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 2. С. 38—49.
- [26] *Acharya A., Johnston A.* Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective. London: Oxford University Press, 2007.
- [27] *Ademmer E., Lissovolik Y.* Thoughts on Inclusive Economic Integration // *Getting out from «In-Between»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. USA: RAND Corporation, 2018.
- [28] *Axline W. A., editors.* The Political Economy of Regional Cooperation. Comparative Case Studies. London: Pinter Publishers, 1994.
- [29] Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on Human Rights Day, 10 December 2017. Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/12/08/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-human-rights-day-10-december-2017/>. Дата обращения: 22.02.2018.
- [30] *Gruber L.* Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions. Princeton University press, 2010.
- [31] *Kelstrup M.* Intergration Theories: History, Competing Approaches and New Perspectives // *Explaining European Integration*. København: Forlaget Politiske Studier, 1998.
- [32] *Laursen F., editor.* Comparative Regional Integration: Theoretical Perspective. England: Ashgate, 2003.

- [33] Making Citizens' Rights a Tangible Reality: 500 Information Centres Inform Citizens Across Europe. Режим доступа: //europa.eu/rapid/press-release_IP-13-234_en.htm. Дата обращения: 20.03.2018.
- [34] *Ostbo Jardar*. The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth. Columbia University Press, 2018.
- [35] *Tsygankov A.* Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. № 32. P. 315—334.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-154-166

IDEOLOGY OF SUPRANATIONAL POLITICAL SPACES AND THE INTEGRATION-CONSCIOUSNESS. A STATEMENT OF THE PROBLEM AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EU AND THE EEU

V.S. Izotov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosov Avenue, 27, bldg. 4, Moscow, Russia, 119991

Abstract. In this article the author attempts to distinguish the concept of the integration-consciousness in the modern processes of supranational integration. The relevance of this concept, as an integral part of a broader scientific category of the foreign policy-consciousness, is due to the growing role of ideology in integration processes. In article has done a comparative analysis of the ideological components of the two integration systems — the EU and the EEU. It is noted that in Europe and in Russia the influence of the integration on the sociocultural and foreign policy attitudes of citizens is constantly growing.

At the same time, in the situation of the so-called “Cold War 2.0”, the perception of integration processes at the level of ideological discourses is becoming increasingly massive and populist. The author comes to the conclusion that the concept of the integration-consciousness has a significant impact on the dynamics of the modern integration processes. One of the main author's finding is that for Russia within the framework of the EEU the integration-consciousness might play an important role in the much needed geographical diversification of the integration strategy.

Key words: axiology, EEU, EU, Eurasia, Eurasianism, Europeanism, foreign affairs-consciousness, ideology, integration, integration-consciousness, intergovernmentalism, consciousness, integration system, populism, supranationalism, supranational political spaces

REFERENCES

1. Bajkov A.A. *Sravnitel'naya integraciya*. Moscow: Aspekt-press; 2012. (In Russ.).
2. Bell D. Vozobnovlenie istorii v novom stoletii. *Voprosy filosofii*. 2002; 5: 13—25. (In Russ.).
3. Bordachev T.V., Zinov'eva E.S., Lihacheva A.B. *Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2015. (In Russ.).
4. Butorina O.V. Ponyatie regional'noj integracii: novye podhody. *Kosmopolis*. 2005; 3 (13). (In Russ.).
5. Bykov O.N. *Mezhdunarodnye otnosheniya: transformaciya global'noj struktury*. Moscow: Nauka; 2003. (In Russ.).
6. Vinokurov E.YU., Libman A.M. *Evrazijskaya kontinental'naya integraciya*. SPb.: EABR; 2012. (In Russ.).
7. *Deklaraciya o evrazijskoj ehkonomicheskoj integracii* Available from: <http://kremlin.ru/supplement/1091>. (In Russ.).

8. *Evracijstvo (opyt sistematičeskogo izložheniya)*. Parizh; 1926. (In Russ.).
9. Izotov V.S. Integracionnye sistemy i problemy političeskoj stabil'nosti: poisk zakonomernostej i opyt prognozirovaniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2016; 4: 9—29. (In Russ.).
10. Kaveshnikov N.YU. Institucional'no-političeskoe razvitie ES: krizis i varianty transformacii. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017; 5. (In Russ.).
11. Karaganov S.A. Obeshchanie Evrazii. *Rossijskaya gazeta (federal'nyj vypusk)*. 26.10.2015. (In Russ.).
12. Klimenko A.I., Barabanov O.N. koncepciya obshchego ideologičeskogo prostranstva Rossii i ES. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2010; 1. (In Russ.).
13. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 30.11.2016)*. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (In Russ.).
14. Kosolapov N.A. Vneshnepolitičeskoe soznanie: kategoriya i real'nost'. *Očerki teorii i političeskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij*. Moscow; 2002. (In Russ.).
15. Kostin A.I., Izotov V.S. Integracionnye sistemy v paradigme globalistiki: obnovlenie issledovatel'skih podhodov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2015; 2: 7—32. (In Russ.).
16. Mazyrin V.M. V'etnam: zony svobodnoj trgovli. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016; 3: 72—82. (In Russ.).
17. *Materialy Kruglogo stola v IDV RAN (Centr izučeniya V'etnama i ASEAN) «Sozdanie Zony svobodnoj trgovli mezhdru EAEHS i SRV»*. Available from: <http://www.ifes-ras.ru/events/8/1517-2015-06-11-08-40-0>. (In Russ.).
18. Polivaeva N.P. Ob ehvolucii političeskogo soznaniya v sovremennom mire. *Vlast'*. 2008; 6: 63—67. (In Russ.).
19. *Politleksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi*. Moscow: ROSSPEHN; 2013. (In Russ.).
20. *Rossiya v sovremennyh integracionnyh processah*. Ed. by S.A. Afoncev i M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO-Universitet; 2014. (In Russ.).
21. Rossiyanе — o sozdanii Evrazijskogo ehkonomičeskogo soyuza. *WCIOM.ru*. Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114883>. (In Russ.).
22. Saharov A.D. *Trevoga i nadezhda*. M.: INTER-VERSO, 1991. (In Russ.).
23. Strezhneva M.V. Integraciya i vovlechenie kak instrumenty global'nogo upravleniya. *Mezhdunarodnye processy*. 2012; 2: 17—28. (In Russ.).
24. Chugrov S.V. Ponyatie vneshnepolitičeskogo mentaliteta i metodologiya ego izučeniya. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2007; 4: 46—65. (In Russ.).
25. Chugrov S.V. Ideologemy i vneshnepolitičeskoe soznanie. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1993; 2: 38—49. (In Russ.).
26. Acharya A., Johnston A. *Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective*. London: Oxford University Press; 2007.
27. Ademmer E., Lissovolik Y. Thoughts on Inclusive Economic Integration. *Getting out from «In-Between»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. USA: RAND Corporation; 2018.
28. Axline W.A., editors. *The Political Economy of Regional Cooperation. Comparative Case Studies*. London: Pinter Publishers; 1994.
29. *Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on Human Rights Day, 10 December 2017*. Available from: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/12/08/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-human-rights-day-10-december-2017/>.
30. Gruber L. *Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions*. Princeton University press; 2010.

31. Kelstrup M. Integration Theories: History, Competing Approaches and New Perspectives. *Explaining European Integration*. København: Forlaget Politiske Studier; 1998.
32. Laursen F., editor. *Comparative Regional Integration: Theoretical Perspective*. England: Ashgate; 2003.
33. *Making Citizens' Rights a Tangible Reality: 500 Information Centers Inform Citizens Across Europe*. Available from: //europa.eu/rapid/press-release_IP-13-234_en.htm.
34. Ostbo Jardar. *The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth*. Columbia University Press; 2018.
35. Tsygankov A. Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives. *East European Quarterly*. 1998; 32: 315—334.

Информация об авторе:

Изотов Владимир Сергеевич — кандидат политических наук, доцент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: geogenesis@yandex.ru).

Information about the author:

Izotov Vladimir Sergeevich — PhD, associate professor of the Department of Political Science of Lomonosov Moscow State University (e-mail: geogenesis@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.03.2018.

Received 26.03.2018.

© Изотов В.С., 2018.